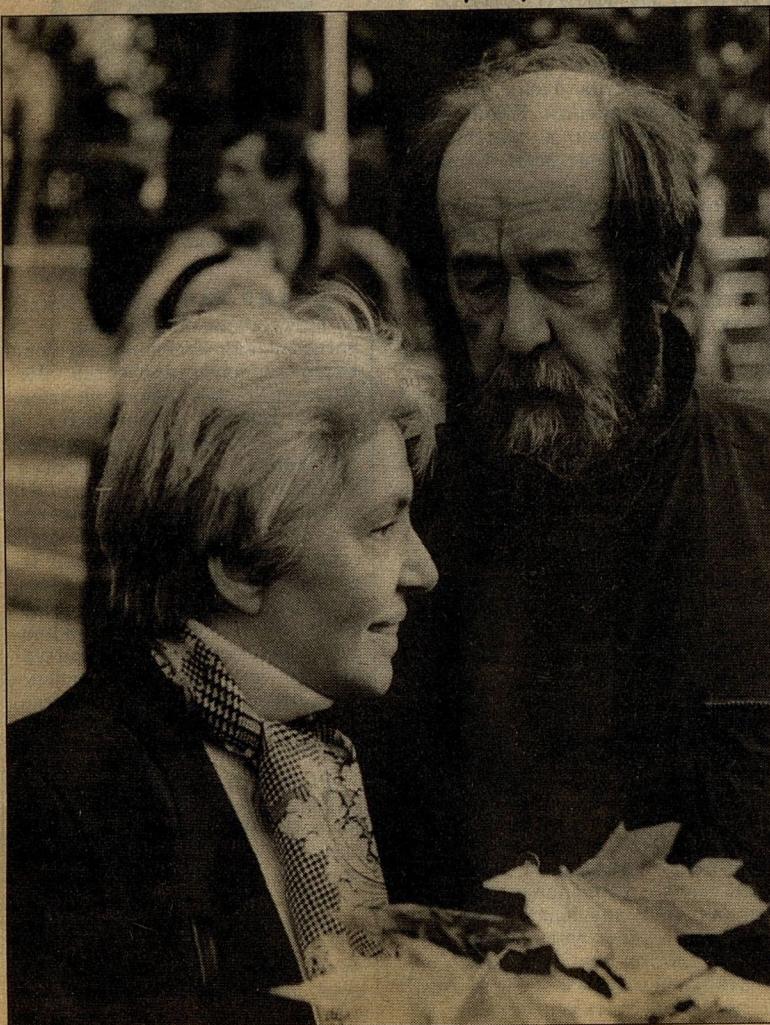

КЛАССИК ● КЛАССИК ● КЛАССИК ● КЛАССИК ● КЛАССИК ● КЛАССИК ● КЛАССИК

Наталья СОЛЖЕНИЦЫНА:

Кн. обозрение. — 1999. — 18 окт. — с. 4-5

«АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ НИЧЕГО НЕ ПРЯЧЕТ ПОД СЕМЬЮ ЗАМКАМИ»

— В нынешнем году в разных городах вышло сразу пять изданий Солженицына, а еще в издательстве «Терра» начало выходить собрание его сочинений в девяти томах. Такой богатый издательский урожай связан с юбилеем? — с этого вопроса началась беседа литературного критика Евгении ИВАНОВОЙ с Натальей СОЛЖЕНИЦЫНОЙ.

Н.С.: — Мне трудно анализировать побуждения издателей, могу только сказать, что мы сами не были инициаторами ни одного из этих изданий. В начале 90-х годов, еще до нашего возвращения в Россию, появилось немало изданий Солженицына, и самые многотиражные из них, к сожалению, были из рук вон плохи полиграфически — но они очень на долгое время забыли путь новым изданиям. Тем не менее в 1994 году было предложение издать публистику, это потребовало довольно много работы, и в результате три тома публистики вышли в Ярославле в 1995—1997 годах. В 1996-м в Москве был напечатан полный «Теленок» с «Невидимками». От Ярославля тогда же поступило предложение издать «малую прозу» либо альбом фотографий, но мы остановились на «малой прозе». Вот эта книга «На изломах» и вышла в декабре 1998 года, она и стала единственной юбилейной. Лишь чуть-чуть опоздала «Роман-газета», зато у нее какой тираж! Все остальные предложения поступали позже, и ничем друг с другом не были связаны...

Е.И.: — Приходилось вам «разводить» издателей при подготовке этих последних книг? Они довольно разнообразны по составу — том, изданный в екатеринбургском издательстве «У-фактория», открывается книгой «Ленин в Цюрихе», а дальше представлены все жанры «малой прозы»: и рассказы, и «Крохотки», и избранная публистика. В серии «Роман-газета» — только «малая проза»,

книга «Протеревши глаза» вообще состоит из неизданных произведений.

Н.С.: — Нет, все издатели имели вполне определенные желания, и координация с нашей стороны была минимальной. Например, екатеринбургское издательство четко хотело представить именно эти произведения. Том выходил у них в серии «Зеркало — XX век», которую издатели стремятся составить так, чтобы по возможности представить все жанры каждого своего автора.

«Роман-газета» тоже определенно хотела рассказы. А если вы знаете, в 1962 году «Один день Ивана Денисовича» публиковался в «Роман-газете», притом у них правило: не повторять. И хотя издатели готовы были включить «Ивана Денисовича» в выпуск, мы отказались сами и опубликовали другие рассказы — и старые, и новые, двучастные. Тем более что в прошлом году «Один день Ивана Денисовича» отдельным изданием вышел в «Русском пути», а теперь вот еще и в виде «пocket-бука» (карманного издания) в петербургской серии «Азбука-классика».

Е.И.: — Признаюсь, было довольно неожиданно увидеть «Один день Ивана Денисовича» в виде «пocket-бука» в серии «Азбука-классика». Это что, шаг навстречу читателю и его удобствам?

Н.С.: — Совсем нет, я считаю это очень полезным типом издания, и мои дети, например, без «пocket-бука» в кармане не выходят из дома. На это предложение мы сразу согласились.

Е.И.: — Я вижу, что в последнее время «пocket-бук» двинулся навстречу классике, в «Терре» в этой серии уже вышел «Евгений Онегин» и много других вполне классических произведений. Что же, классике сегодня приходится притвориться, что и она не хуже Мариной, и ее можно читать в метро?

Н.С.: — У нас всегда читали в метро серьезные книги. И вообще, на Западе в таком виде уже давно издают классику. Смысл этого типа изданий в том, что они отвечают темпу XX века, когда время так уплотнено, люди так перегружены, так сложно организована их жизнь, так много приходится ездить. И у многих — и в Америке, и в России — дорога на работу занимает иногда полтора часа в один конец. Не все в этих условиях могут таскать при себе тяжелую книгу, особенно наши женщины с сумками.

Так что, «пocket-бук» — это не книга «легкого содержания», а просто легкая и недорогая книга, которую не так жалко, если она измялась, попала под дождь, если ты дал ее почитать и ее тебе не вернули... Конечно, это не та книга, которая достанется твоему сыну. Но я охотно покупаю такие издания и для себя, и для своих гостей, и у меня на полке в этих сериях стоит все — от Аристофана до Германа Гессе.

Е.И.: — Меня несколько удивило присутствие в екатеринбургском томе книги «Ленин в Цюрихе», которая, казалось, растворилась в «Красном колесе»...

Н.С.: — Здесь издатели сами проявили настойчивую инициативу. Поначалу, когда их письмо с предложением издать «Ленина в Цюрихе» попало ко мне, я была уверена, что Александр Исаевич откажется, потому что, по существу, это никогда и не задумывалось как отдельная книга, это были главы «Красного колеса», но по своей готовности напечатанные раньше, в 1975 году. Позднее он отказался еще раз печатать их в виде книги.

Но сейчас издать «Красное колесо» еще раз целиком после Воениздата пока трудно, и Александр Исаевич согласился. В этом томе «Ленин в Цюрихе» напечатан с подзаголовком: «Главы из «Красного колеса»». К тому же специально для этого издания автор дал главам названия (в «Красном колесе» главы не имеют названий, только номера).

Е.И.: — В екатеринбургском сборнике опубликована давняя статья Александра Исаевича, «Колеблет твой треножник», словно специально приуроченная к Пушкинскому юбилею, который мы шумно отмечали в этом году. Статья заканчивается блоковскими словами: «Дай нам руку в непогоду / Помоги в немой борьбе...», и как актуаль-

но звучит она, после всех тех глумливых передач, которыми так богато одарило нас телевидение по случаю юбилея, а ведь статья «Колеблет твой треножник» написана довольно давно — в 1984 году...

Н.С.: — Но она не менее актуально звучала и когда писалась в отклике на разгульные «Прогулки с Пушкиным» Синявского. Я хорошо помню это время в первой половине 80-х годов, мы жили тогда в Вермонте и остро переживали все, что творилось на Родине. Шла война в Афганистане, казалось, застой никогда не кончится, и это были, пожалуй, самые стоячие темные годы. Было такое ощущение, что Россия встаптывается окончательно в грязь, еще немножко, и все затянет серой дымкой. Но вот прошло десять с лишним лет — и, увы, опять слова эти приспались в пору...

Е.И.: — Настоящим сюрпризом для меня стало еще одно новое издание — том с типично солженицинским заглавием «Протеревши глаза», на котором в лучших западных традициях красуется надпись: «Неизвестный Солженицын». Как сказано в авторском предисловии, в сборнике впервые опубликованы «произведения тюремно-лагерно-ссыльных лет»: «Дороженька», лагерные стихи, неоконченная повесть «Люби революцию» и даже разбор «Горя от ума», очень острый и неожиданный по своим оценкам.

Н.С.: — Действительно, все что вошло в книгу «Протеревши глаза», публикуется впервые, что само по себе немало удивило публику. Впрочем, внимательные читатели Солженицына встречали упоминания об этих произведениях и в «Архипелаге», и в «Теленке». О том, как он писал «Дороженьку» в лагере, рассказало в «Архипелаге». Там нельзя было ничего записывать и тем более держать при себе записи, оставался единственный способ сохранить в памяти — зарифмовать. Кстати, на этот факт очень бурно реагировали зарубежные читатели, как на апофеоз человеческой памяти. Сам автор никогда не считал себя поэтом, но, не имея ни бумаги, ни карандаша, чтобы записать большое произведение, он вот так сочинял в уме, иногда записывал малые отрывки, зачинал и потом текст уничтожал.

Е.И.: — Это совсем новое назначение поэзии, до сих пор спорили, имеет ли поэзия служебное назначение, а здесь она «служила» в буквальном смысле...

ле слова спасению от забвения. А позднее Александр Исаевич вообще не писал стихов, даже для себя?

Н.С.: — В книге есть стихотворение, написанное в ссылке в 1953 году, после которого он не писал стихов никогда. Оно начинается так:

Смерть — не как пропасть,
а смерть — как гребень,
Кряж, на который взнеслась
дорога...

Он узнал тогда, что обречен, что жить ему осталось три недели, как сказали ссыльные врачи, да еще ему не давали в комендатуре справку, чтобы выехать в онкологическую больницу на лечение. Потом все-таки дали, и он попал, почти уже мертвцом, в Раковый корпус — это описано в первых главах повести. Все стихотворение обращено к России:

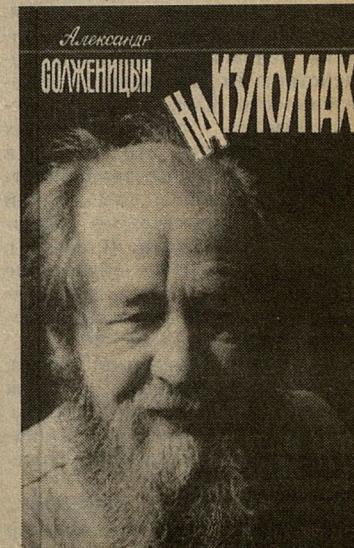
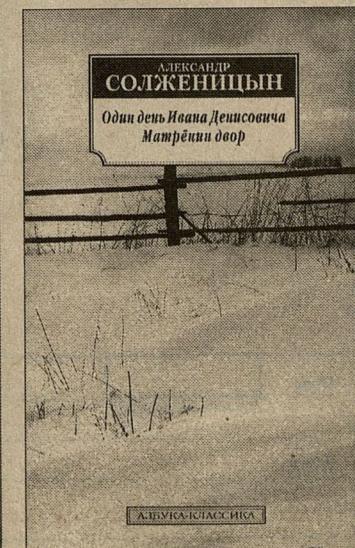
Больше не видеть тебя мне
распятой,
Больше не звать Воскресенья
тебе...

Но затем произошло самое настоящее чудо: обреченный исцелился, прожил долгую жизнь и теперь вот снова видит Россию распятой, и на Воскресение надежд не слишком много.

Е.И.: — В книге «Протеревши глаза» меня поразила еще и фотография Солженицына, сделанная тогда же в больнице. Начав читать его книги в начале 70-х годов, я представляла его в образе старца, очень пожилого человека. А здесь на фотографии 1954 года на нас смотрит юноша, почти мальчишка, которому только тридцать пять, а он выглядит на двадцать.

Н.С.: — Лагерный опыт, конечно, меняет представление о возрасте. Вот вы говорите о молодой фотографии 1954 года, а повесть «Люби революцию» Солженицын начал писать на Шарашке в 1948 году, то есть еще на шесть лет раньше. Писал тайком на обороте разграфленных листов трофеейной бумаги фирмы «Лоренц». Их сохранила Симочка, «перепелочка» из романа «В круге первом». Когда его вышвырнули из Шарашки в Особые лагеря, он оставил ей начатую повесть, она сберегла и в 1956-м вернула ему. Настоящее имя ее — Анна Исаева.

Е.И.: — Главное издательское событие, о котором хотелось бы поговорить сегодня, — появление первого тома собрания сочинений в издательстве «Терра». В период вашего пребывания в Вермонте, мне помнится, я видела в каком-то

КЛАССИК ● КЛАССИК ● КЛАССИК

фильме, как вы сами полностью делали собрание сочинений в 20 томах. Помню, как вы показывали что-то вроде издательского компьютера, и создавалось впечатление, что весь издательский процесс находился тогда в ваших руках. По возвращении в Россию ничего подобного наладить не удалось?

Н.С.: — А зачем? Здесь в этом нет нужды. Да, то собрание сочинений я и набирала, и верстала сама. Тогда это было труднее, потому что та наборная машина была еще далеко не компьютер. Я и теперь некоторые оригинал-макеты делаю сама, но дальше все равно необходим издатель. Вот от «Терры» мы получили предложение издать в их «народной библиотеке» большим тиражом и по доступной цене новое собрание сочинений в девяти томах. Больше всего в этом предложении нас радует то, что две трети подписчиков — за Уралом, то есть собрание имеет шанс дойти до читателей всей страны.

Е.И.: — Первый том составлен по жанровому признаку, и в него собраны произведения, начиная с первого опубликованного «Одного дня Ивана Денисовича» и до последних так называемых двучастных рассказов.

Н.С.: — Да, это не научное издание, предполагается всего девять томов, то есть войдут избранные произведения. Хронологический принцип мы выделяем лишь отчасти, первый том составляют две «волны» рассказов и «крохоток» — шестидесятые годы и девяностые, вплоть до самой последней военной прозы. Ну а «Красное колесо» вообще не войдет в это издание.

Е.И.: — Но некоторые двучастные рассказы явно примыкают к «Красному колесу», например, рассказ «Эго», написанный на материале Тамбовского восстания, хотя эти события и выходят за хронологические рамки романа.

Н.С.: — Александр Исаевич очень интересовался Тамбовским восстанием, собирая о нем все возможное, ездил в Тамбов вместе с Можаевым, но до восстания в романе не дошел. На сюжет, положенный в основу рассказа «Эго», он натолкнулся еще до высылки, работая в Петербурге над архивными материалами. Там он и встретил упоминание о человеке, у которого была кличка Эго, это действительно был интеллигент, предавший отряд повстанцев. Но настоящее его имя было тогда еще неизвестно Александру Исаевичу, и он сам придумал ему имя и профессию. И произошло удивительное совпадение: в рассказе ему было дано имя Павел, а потом оказалось, что и в жизни его звали Павел.

Но сама идея двучастных рассказов родилась независимо от романа, в конце 80-х годов, и Александр Исаевич решил, что по окончании «Колеса» попробу-

ет этот жанр. Есть разные типы двучастных соединений. Например, один и тот же герой выступает в разные периоды своей жизни и в разных обстоятельствах, как это было с Жуковым, с Эго. Или две части рассказа объединяют одна тема, а герои действуют разные («Настенька», «Все равно», «На изломах»). Либо — между частями существует какое-то сцепление, скажем, ситуационное («Абрикосовое варенье»).

Е.И.: — Кстати, в рассказе «Абрикосовое варенье» прототип хотя и не открыт, но в образе писателя легко угадывается Алексей Толстой, архив которого хранится в ИМЛИ и в котором письма к нему как к депутату представлены в большом количестве. Использовались ли материалы этого архива в данном случае?

Н.С.: — Нет, подобные письма получали мы сами. Что до Алексея Толстого, то рассказ опирается на его всем доступные печатные тексты, в частности на его публицистику советского периода. А уж о языке пытаемого на дыбе человека, как он ограничен и какая в нем новизна, — Толстой писал не единожды.

Е.И.: — Хочу спросить о заглавиях. При публикации в собрании сочинений вы в рассказе «Случай на станции Кочетовка» вернули первоначальное авторское заглавие, хотя для многих читателей станция так и останется Кречетовкой, а в случае с «Одним днем Ивана Денисовича» оставили заглавие, которое дал ему Твардовский. С чем это связано?

Н.С.: — Дело в том, что название станции — кстати, реальное название реальной станции — было заменено редакцией потому, что Кочетовка была со звучна фамилии главного врага «Нового мира» — писателя Кочетова, то есть в силу тактических соображений. А в случае с «Одним днем Ивана Денисовича» заглавие сразу было принято Александром Исаевичем как лучшее, чем его собственное.

Е.И.: — Мне хотелось бы коснуться и ваших кратких пояснений к текстам. Очень часто в них повторяется фраза — «в основу положен подлинный случай...» Это имеет принципиальное значение — подчеркнуть достоверность изображаемого?

Н.С.: — Нет, вполне достоверен может быть и вымышленный случай, и вымышленный герой, и таких у Солженицына много.

Принципиальное значение, однако, имеет уважение к жизни.

И в тех случаях, когда событие подлинное или у героя есть реальный прототип. Солженицын не прячет это под семью замками, а с готовностью сам об этом говорит, тем как бы делая жизни комплимент, отдавая ей дань как соавтору.

Беседовала
Евгения ИВАНОВА

